

31 ЯНВ. 1979

МАСТЕРА
СОВЕТСКОГО
ИСКУССТВА

Жажда познания

Случилось так, что в прошлом году телезрители дважды восторжеслись с артистом Евгением Лебедевым, и каждый раз, сочетая исповедь с иронией, он приоткрывал завесу над своей трудной и прекрасной профессией. Он рассказывал о себе, о своем искусстве, и тут же, как говорится, на глазах у публики демонстрировал чудо перевоплощения. То Лебедев без грима, без каких-либо вспомогательных сценических средств преображался в кокетливо-коварную, до нелезя смешную Бабу-Ягу, словно вспоминал свою артистическую юность, когда он впервые исполнил эту роль. То он вызывал восхищение зрителей неисчерпаемой выдумкой, каскадом сатирических красок, изобилием отъявленного проходимца Кузькина в отрывке из спектакля «Энергичные люди». То, наконец, в другой вечер артист блестяще трансформировал «Дубинушку» в плотно сжатую героическую поэму о мощном порыве к свободе угнетенного человека старой России...

Да, мастерство Евгения Лебедева покоряет своей магической силой, а творческий диапазон его необычайно широк. Но суть не только в этом, важна направленность его искусства. Лебедев принадлежит к той плеяде артистов, которые охвачены неистощаемой жаждой познания действительности в ее многоликих социальных и психологических проявлениях. Он — аналитик, исследователь жизни. В человеке

его интересует не застывшая характерная особенность, а движение мысли, чувств, закономерность и напряженность столкновения противоречий, логика социальной борьбы на пути становления личности, и в этом, в динамике поступков, эмоций, выявляется сокровенная сущность героя.

Лебедев может очень многое. Ему подвластны все или почти все жанры драматического театра — от буффонады до трагедии.

В гротеске, этом сложнейшем виде искусства, требующем, по словам К. С. Станиславского, наиболее яркого, смелого внешнего оправдания «огромного, всеисчерпывающего до преувеличенности внутреннего содержания», Лебедев достиг вершины. Вспомним его снайперски точное, беспощадное по своему гневному сарказму, своей разоблачительной силе исполнение роли Артуро Уи, своеобразного двойника Гитлера, в спектакле, в свое время поставленном на сцене Ленинградского Большого драматического театра имени М. Горького по пьесе Бертольда Брехта. С какой захватывающей достоверностью и страстной ненавистью артист раскрывал омерзительное лицо главаря гангстерской шайки Уи, этого поистине исчадия ада, его безудержную жажду власти, позерство, жестокость, демагогию, его кровавый путь от мелкого уловника

и провокатора до диктатора, человеконенавистника и убийцы большого размаха.

Лебедев чувствует себя очень уверенно, свободно в любой комедийной роли, особенно ему по душе та, в которых, как это часто бывает в жизни, смех в различных вариантах сочетается с драматизмом чувств. Его Щукар (спектакль «Поднятая целина»), маленький, сухонький, нередко наивно-беспомощный, чем-то напоминающий ребенка, конечно, вызывал смех своей неожиданной петушиной задиристостью. И в то же время, отнюдь не в ущерб комедийности, образ был овеян легкой грустью, каким-то далеким тревожным предчувствием, которое в сцене прощания старика с убитыми Давыдовым и Нагульновым обретало реальность трагедии. Сердце зрителя острой болью, состраданием отзывалось на безмерное горе Щукаря...

Исполняя роль чиновника Монахова (спектакль «Варвары»), Лебедев обнаруживает превосходное знание законов трагикомедии, умение их использовать с предельной полнотой и точностью в процессе воплощения образа. Монахов как бы живет в двух измерениях. С одной стороны, перед нами пошловатый человек с легкой танцующей походкой, этаким законодатель провинциальной светскости. И одновременно он переполнен внутренним беспокойством, находится на грани нервных всплесков. Его мучительная,

безответная любовь к своей жене Надежде, одаренной красотой и душевным богатством, погубленной цивилизованными варварами, его угодничество перед ними и затаенная, глухая ненависть, его жалкая приниженность и искренность горестных переживаний — все это в исполнении Лебедева делает фигуру Монахова неоднозначной, контрастной, именно такой, какой она написана М. Горьким.

Когда смотришь игру Лебедева в другом горьковском спектакле — «Мещане», то особенно ясно себе представляешь размах его страсти к анализу. Лебедевский Бессеменов раскрывается перед зрителями изнутри, в острых и глубоко драматичных коллизиях. Артист избегает прямого выявления его жадности, ограниченности, самодурства, его всевозрастающего страха перед наступлением нового в жизни. Лебедев ведет нас к этой цели другим, более сложным и эффективным путем, дающим возможность постичь суть мещанства в его явных и скрытых формах. В щедрой палитре красок, которой пользуется артист, значительное место занимают горечь, потрясение, отчаяние отца, чувствующего, как между ним и детьми встала стена катастрофического отчуждения. Но чем сильнее буря переживаний Бессеменова, тем неизбежнее (очень тонко, так сказать, без вмешательства актера) проявляется его стремление наслаждаться своими страданиями,

измучить себя и других. Одним словом, происходит саморазоблачение Бессеменова с его одиночеством, тяжким эгоизмом, неспособностью и нежеланием понять свою вину перед людьми, да и перед самим собой.

Несколько раньше Лебедев в кинофильме «Последний месяц осени» сыграл роль другого отца, нашего современника, семидесятилетнего молдавского крестьянина, который однажды отправился в путешествие, чтобы повидаться со своими сыновьями. Нельзя сказать, что взаимоотношения старика со своими детьми идеальны, но сколько достоинства, мудрого понимания людей, сдержанной отцовской гордости и сердечности в этом человеке! Таков первый план образа. А за ним, другой, в котором отзвук извечного противоборства жизни и смерти. Герой фильма, посвятивший всего себя труду, на склоне лет с особой свежестью и сосредоточенностью воспринимает все, что встречается на его пути. Он как бы приветствует жизнь и прощается с ней. В нем и элегия, грусть, и чувство благодарности добру, всему человеческому, тихое восхищение красотой бытия...

Евгений Алексеевич Лебедев прошел немалую жизненную школу. Ко времени окончания Центрального театрального училища и вступления в труппу Тбилисского русского театра юного зрителя (в 1940 г.) он уже обладал интенсивным запасом наблюдений, которые оказали ему неоценимую помощь в творчестве. На сцене ТЮЗа проявилась поразительная многоплановость дарования

артиста. Здесь среди многих других ролей особым светом озарил его сценическую молодость образ Павла Корчагина, которого Лебедев воплотил со свойственным ему уже тогда одержимым интересом к нравственным возможностям героев. И вот теперь, через десятилетия, когда в фильме «Блокада» видишь лебедевского мастера Королева, человека непреклонной воли и чуткой души, олицетворяющего старую гвардию рабочего класса, то ощущаешь внутреннюю связь, преемственность тем.

Творческий расцвет Лебедева связан с Ленинградским Большим драматическим театром имени М. Горького (на подмостках которого он выступает вот уже почти четверть века) и неотделим от художественных исканий руководителя этого коллектива, режиссера Г. А. Товстоногова. Среди недавних товстоноговских работ — блестящий спектакль «История лошади» (по рассказу Л. Толстого «Холстомер»), где Лебедев в актерском ансамбле — «первая скрипка». Многолетнее содружество этих двух художников определяется активной гражданской позицией, тонким пониманием своеобразия, стиля драматургического произведения, неустанным поиском адекватного сценического выражения, увлеченностью действенным психологическим анализом характера человека, когда его личная ответственность и жизненные обстоятельства находят в сложном взаимодействии, когда «индивидуальный стержень» открывает путь к осознанию социальной сущности героя.

С. ЗАМАНСКИЙ.